

СЧИТАЮ ДОЛГОМ УТОЧНИТЬ

В КОЛЛЕКТИВНОМ письме работников музея «Где же демократия?», опубликованном 21 сентября в газете «Новая жизнь», ряд положений, на мой взгляд, не совсем соответствуют действительности. Во-первых, в музее были 31 июля не выборы, а назначение директора. Так формулировалась и повестка дня собрания: «О назначении директора». Проголосовать предложила сама Г. О. Иванова, чтобы по поднятым рукам убедиться в поддержке подавляющего большинства. Во-вторых, не очень корректно обвинять в полном безделье древнерусский отдел, так как по количеству изданных буклетов, по количеству выступлений на научных конференциях, по количеству экспедиций отдел не имеет равных. Думается, немало сделано отделом и для роста популярности музея, а, значит, для роста его доходов. Насчет выставок: иконы Кирилло-Белозерского монастыря кочеваним по выставкам не занимались, да и у крестьянина они неизменно стояли в красном углу. Вряд ли разумно обвинять в том, что на деле было достоинством древнерусского отдела. В-третьих, предложение, направленное Б. Н. Ельцину (о придании музею статуса научно-исследовательского центра), на сегодня нереально: у нас нет в штате ученых. В-четвертых, авторы письма утверждают, что концепция развития музея вполне совпадает с предложениями на сей счет Г. В. Судакова, и поэтому во-

прос о конкурсе на директора и о новых подходах в музейном деле отпадает. «Главной идеей музейной концепции,— пишут авторы письма,— является сохранение и воссоздание первоначальных облика и функций памятников (храмы, служебные и хозяйственные постройки)». К сожалению, по сей день слова эти находились в противоречии с делами администрации. Иначе почему из года в год (в том числе и в нынешнем мае) развевались красные флаги на церкви Введения и корпус священных келий? Иначе почему было решительно отвергнуто предложение древнерусского отдела о восстановлении традиционного церковного убранства в церкви преподобного Кирилла Белозерского? Иначе почему попираются алтари в Успенском соборе и церквях Введения и Благовещения? Почему в небрежении находится место, где покоятся мощи преподобного Кирилла — главной святыни не только нашего края, но и всего Русского Севера? Почему чрезвычайно старательно ограничивается доступ к мощам не только в обычные дни, но даже в день памяти преподобного? Музей фактически держит в плену ту святыню, которая является молитвенным достоянием всей России. Например, 5 сентября какой-то приезжий священник обратился с просьбой пропустить его к мощам преподобного Кирилла. Последовал краткий ответ: «Памятник закрыты». Или почему, если

музейная задача — «воссоздание первоначальных функций», было отказано весной текущего года архимандриту Иннокентию в открытии Иосифо-Волоколамского подворья на территории Кирилло-Белозерского монастыря? 21 августа сего года отец Иннокентий просил меня передать Ивановой Г. О. свое глубокое сожаление по этому поводу.

Считал бы со своей стороны неуместным и бестактным анализировать человеческие качества музейной администрации (и старой, и новой). Служебные качества подтверждены приездами комиссий (о чем шла речь в этом письме) и званием — заслуженный работник культуры РСФСР. Мы хорошо знаем: тоталитарно-атеистическое государство давало подобные звания лишь тем, кто верой и правдой служил культуре. Но спрашивается: какой культуре? В связи с этим на память приходит один из многих печальных примеров. Однажды в День всех святых у подножия Ивановского кладбища в Кирилло-Белозерском монастыре был устроен грандиозный праздник с песнями и плясками. «Ну и ну», — покачала головой пожилая музейная смотрительница. Ведь все хорошо в подобающем месте и в подобающее время. А в год тысячелетия Крещения Руси в канун Вознесения Господня в церкви преподобного Кирилла состоялось торжественное открытие советской экспозиции, на которую ушла огромная административная и финансовая энергия. Всегда ли мы задумываемся о подлинном смысле своей «многолетней и плодотворной деятельности»? Наша культура, как и политика,

была на службе у семидесятилетнего плена, и поэтому поспрание святых считалось делом естественным. Но сегодня над русской землей реет другой флаг, и культура тоже должна стать другою. Думается, именно этим обстоятельством вызван приказ, изданный областным руководством. Думается, именно это обстоятельство было одним из главных двигателей в деятельности комиссии Верховного Совета. Да, никто не изучал музейные бумаги, ибо известно, что по части бумаг во всех наших конторах все в порядке. Для общей оценки ситуации было достаточно пройти в Успенский собор и понять то, что не могли понять предыдущие многодневные комиссии. Как член комиссии Верховного Совета в течение недели я мог наблюдать и сравнивать разных людей, то, как они понимают новые реальности в нашей жизни. И вот оказалось: в своем большинстве не работники культуры, а промышленная и управленческая интеллигенция (включая политическое руководство области) более чутка к восприятию и осознанию вечных истин тысячелетней русской культуры.

И все же письмо вселяет надежду, ибо оно, как публичная декларация, обязывает всех, кто его подписал, воплотить, наконец, главную идею музейной концепции — «воссоздать первоначальный облик и функции памятников», а, говоря проще и по-русски — открыть Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Сегодня именно в этом наш главный человеческий, политический, культурный и исторический долг.

В. РЫБИН.